

ЧАРОДЕЙ: ТЕНЬ У ТРОНА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Чародей: Тень у трона

<https://litres.ru/74287238>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аллард не боевой маг, а чародей-законник, чьё оружие - рунные контракты и мёртвые языки права. Когда он побеждает посла враждебной державы силой древнего договора, его триумф омрачает анонимное письмо: некто знает позорную тайну его юности и требует расплаты.

Пытаясь найти шантажиста, Аллард проводит запретный ритуал поиска по крови и случайно открывает врата Голосу древней сущности, стоящей за пределами реальности. Теперь его магия выходит из-под контроля, на руке расплзается чёрная метка, а сам он становится ключом к освобождению Четверых Павших богов.

В мире, где слова опаснее мечей, а контракты связывают сильнее цепей, Алларду предстоит узнать настоящую цену своего дара и выбрать, что спасти - королевство или собственную душу.

Содержание

Глава 1. «Контракт на рассвете»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Патрушев

Чародей: Тень у трона

Глава 1. «Контракт на рассвете»

Свет в тронном зале был неживой. Он лился сквозь высокие витражные окна не потоками, а какими-то вымученными, обесцвеченными лужами, словно само солнце не решилось вторгаться в это средоточие власти. Лучи преломлялись в граненых стеклах, рассыпаясь на бледные спектры — лимонно-желтый, болезненно-лиловый, водянисто-голубой, — и ложились на мраморный пол дрожащими пятнами, похожими на разлитое и разбавленное вино. Пылинки танцевали в этих столбах света медленным, гипнотическим танцем, то взмывая вверх, то опадая в тень, словно и они, частицы самой материи мира, чувствовали то напряжение, что сковывало воздух. Аллард стоял в тени колонны, ощущая спиной холод полированного мрамора, проникающий даже сквозь плотную ткань камзола, и ждал. Ждать он умел. За тридцать два года жизни, пятнадцать из которых он провел при дворе, сначала незаметным клерком в юридическом департаменте, затем — младшим советником по вопросам магического права, и, наконец, Чародем-Законником, личным

консультантом короны, ожидание стало его второй натурой, таким же отточенным рабочим инструментом, как его рунная трость или острый, как бритва, ум. Он научился ждать, будучи еще мальчишкой в грязных доках Лирвейской гавани, где терпение означало разницу между сытным ужином и голодной смертью. Сегодня ожидание обещало быть особенно приятным, и это ощущение предвкушения, покалывающее где-то под ложечкой, было сродни тому, что испытывает шахматист за мгновение до объявления мата.

Посол Торвальд, грузный мужчина с квадратной челюстью и глазами цвета болотной тины, шествовал по красной ковровой дорожке к трону с грацией боевого носорога. Его шаги гулко отдавались под сводами, и в этом звуке — басовитом, рокочущем, заставляющем вибрировать хрустальные подвески на люстрах, — слышался не просто вес, а вызов. Каждое движение, каждый поворот головы, унизированной массивными золотыми цепями, каждый тяжелый взмах руки, унизированной перстнями с боевыми рубинами, кричал о презрении. Он был одет в парадный мундир цветов Суверенной Марки — алая ткань с золотым шитьем, столь плотным и обильным, что одеяние казалось выкованным из драгоценного металла. На груди его сияла звезда ордена Железного Когтя, высшая военная награда его державы, полученная, как шептались при дворе, не столько за доблесть, сколько за особую жестокость при подавлении восстания в Серебряных

Копях. Он шел не как проситель, не как дипломат, даже не как враг, ступающий на чужую землю с уважением к ее законам. Он шел как хозяин, вернувшийся в свои владения после недолгой и досадной отлучки. Его сапоги из толстой воловьей кожи с серебряными шпорами вдавливали ворс королевского ковра, оставляя глубокие следы — еще одно намеренное оскорбление, еще одна зарубка на теле и без того израненного королевства.

Король Эдрик восседал на Костяном троне — мрачном исполине, вырезанном, по легенде, из челюстной кости последнего Великого дракона, сраженного основателем династии Эдриком Первым, Завоевателем. Трон был огромен, непропорционально огромен для нынешнего монарха, и в этом несоответствии читалась горькая ирония судьбы. Там, где великий предок смотрелся грозным и несокрушимым, Эдрик Девятый, прозванный в народе Миротворцем, а за глаза — Эдриком Кротким, казался ребенком, случайно забравшимся на отцовское кресло. Он сидел, ссутулившись, и его длинные, некогда золотые, а теперь тускло-серые волосы безвольно свисали вдоль впалых щек, обрамляя лицо, на котором война и бесконечные унижения вырезали глубокие морщины. Его корона — простой обруч из черненого серебра, увенчанный единственным сапфиром, — сидела криво, и он то и дело поправлял ее нервным, почти произвольным жестом. Война, тянувшаяся третий год, выпила из него

былую энергию. Она высосала все — казну, людские ресурсы, веру подданных. Крестьяне роптали, не в силах платить военный налог, рекруты дезертировали целыми отрядами, а знать, та самая знать, что должна была быть опорой трона, вела тайные переговоры с Суверенной Маркой, выторговывая себе теплые места при новом режиме. И вот теперь перед королем стоял человек, олицетворявший эту войну, раздувшийся от самоуверенности, словно клещ, напившийся крови целого народа, и улыбался улыбкой победителя.

— Ваше Величество, — голос Торвальда прокатился по залу, даже не пытаясь смягчить врожденную хрипоту, усиленную акустикой парадного помещения. Он не поклонился. Лишь едва заметно наклонил голову, на какой-то жалкий дюйм, что по всем дипломатическим канонам было прямым и намеренным оскорблением этикета. Придворные по обе стороны зала зашуршали шелками и бархатом, обмениваясь возмущенными взглядами, но никто не осмелился произнести ни слова. Они боялись. Аллард читал этот страх в их глазах, в том, как нервно сжимались пальцы на эфесах церемониальных шпаг, как кусали губы фрейлины, как старый лорд-камергер, ответственный за соблюдение протокола, судорожно теребил свою цепь, не в силах вмешаться. — Я здесь, чтобы в последний раз огласить условия нашей державы. Они неизменны. Аннексия Восточных Пределов, включая соляные копи Тирхайма. Беспощадный проход наших

военных судов по Аддерскому проливу в течение пятидесяти лет. И, разумеется, рука принцессы Элианы для моего господина, эрцгерцога Бранна.

По залу пронесся уже не шорох — стон, вырвавшийся одновременно из десятков глоток. Восточные Пределы с их неистощимыми соляными пластами были не просто экономической артерией королевства. Это была его соляная житница, источник консервации продовольствия для всей страны. Без соли нечем будет засаливать мясо и рыбу на зиму, а значит, придет голод — медленный, неумолимый, куда более страшный, чем любая армия. Аддерский пролив был его стратегической глоткой — узкой полосой воды, через которую проходили все торговые пути на юг, к теплым морям, где королевство закупало пряности, шелк и редкие магические компоненты. А принцесса Элиана, единственная дочь короля, чьи глаза, синие, как весеннее небо, сияли сейчас из-под капюшона мантии на балконе для знати, была его сердцем. Девушка стояла неподвижно, прямая, словно струна, но Аллард, умевший читать людей, как книги, видел, как побелели ее пальцы, вцепившиеся в каменные перила. Эрцгерцог Бранн был известен не только своим военным гением, но и жестокостью к женщинам. Три его жены уже покоятся в фамильном склепе, и слухи об обстоятельствах их смерти ходили такие, что в них не хотелось верить. Торвальд требовал всего, без остатка, оставляя от королевства пустой, обес-

кровленный остов, который будет лишь формально носить имя независимого государства, а по сути превратится в колонию, в сырьевой придаток Суверенной Марки.

Король медленно поднял руку, призывая к тишине. Его кисть, унизанная тяжелыми перстнями, заметно дрожала. Голос, когда он заговорил, был тонок и надтреснут, словно лед на весеннем пруду, готовый вот-вот проломиться под ногой.

— Мы... ознакомились с требованиями, посол. — Каждое слово давалось ему с видимым трудом, словно он поднимал непомерную тяжесть. — И мы находим их... варварскими. Вы знаете, что совет все еще ищет пути...

— Ваш совет! — резко перебил его Торвальд, и это было уже не просто нарушение протокола, это было преступление, караемое в иные времена немедленным арестом. Гвардейцы у дверей напряглись, их алебарды, до того неподвижные, качнулись, словно хищные птицы, готовые сорваться с насеста. Но они не двинулись с места, ожидая приказа, а приказ не поступал. — Ваш совет, Ваше Величество, это собрание старцев и трусов. Они будут искать пути до тех пор, пока наши осадные башни не покажутся на горизонте этой самой столицы. Я здесь не для того, чтобы дискутировать. Я здесь, чтобы получить ответ. Да или нет.

В наступившей тишине, тяжелой и вязкой, как расплавленный свинец, когда каждый вдох казался усилием, а каждый выдох — предательством, Аллард наконец пошевелился. Он ждал именно этого момента — момента, когда напряжение достигнет пика, когда все взгляды будут прикованы к трону, а все мысли — к ужасной дилемме. Момента, когда его вмешательство произведет максимальный эффект. Он оттолкнулся от колонны, стукнув серебряным наконечником своей трости по мраморному полу. Звук получился легкий, почти невесомый, но какой-то невероятно отчетливый, словно треснувшая льдинка, упавшая в тихий пруд в безветренную погоду. Все головы, словно по команде, повернулись к нему. Даже Торвальд, прерванный на полуслове, невольно обернулся на этот звук, и в его мутных глазах мелькнуло раздражение пополам с любопытством.

Аллард не был похож на боевого мага. Он знал это и умело пользовался этим контрастом. Боевые маги носили латы, пропитанные защитными рунами, их руки были в шрамах от спонтанных выплесков силы, а глаза горели лихорадочным огнем постоянного напряжения. Они были оружием, ходячими осадными орудиями, и выглядели соответственно — грозно, устрашающе, неотвратимо. Аллард же был одет в строгий камзол цвета темного индиго, без единого украшения, кроме ряда серебряных пуговиц, каждая из которых,

впрочем, была испещрена микроскопическими рунами защиты. Его лицо, тонкое и бледное, с высоким лбом мыслителя, с четко очерченными скулами и твердой линией рта, выражало не более чем вежливый интерес, какой можно увидеть у библиотекаря, обнаружившего редкий манускрипт. Его темные волосы были зачесаны назад и схвачены на затылке простым кожаным шнурком, открывая высокий лоб. В его облике не было ничего угрожающего, ничего героического или демонического. Только ум. Только сдержанная, просчитанная, отточенная сила интеллекта, не нуждающаяся в дешевых внешних эффектах. Единственным намеком на его профессию была трость — не просто опора, хотя Аллард действительно слегка прихрамывал после давней травмы, а инструмент из черного грифона, покрытый сложнейшей вязью рун, которые в полумраке казались спящими червями, но при пробуждении могли испускать силу, способную разорвать саму ткань реальности.

— Посол Торвальд, — произнес Аллард, и его тихий, спокойный голос разнесся по залу с удивительной ясностью, будто он говорил каждому на ухо, используя какую-то хитрую акустическую магию. — Вы позволите небольшое уточнение?

Торвальд медленно обернулся к нему всем корпусом, не поворачивая головы — еще один жест пренебрежения. В его

глазах мелькнуло узнавание, смешанное с брезгливостью. При дворе Алларда знали под множеством кличек. Одни, за глаза, называли его «Канцелярской Крысой», намекая на его происхождение из низов и любовь к бумажной работе. Другие — «Пауком», за его умение плести сети из законов и параграфов, в которые попадались те, кто имел неосторожность считать себя выше правил. Третьи — «Человеком-Параграфом», за его почти сверхъестественную способность помнить наизусть весь свод законов королевства. Но кем бы его ни считали, боевым магом он не был. Он был чем-то иным, чем-то, чего Торвальд, человек войны и грубой силы, просто не мог понять. А то, чего он не понимал, он презирал.

— Уточнение, чародей? — хмыкнул посол, и в его тоне явственно прозвучало слово «бумагомаратель», хотя он его и не произнес. — Мне казалось, я выразился предельно ясно. Даже твои крючкотворские мозги должны были это уразуметь.

— О, безусловно. — Аллард сделал несколько шагов вперед, и звук его шагов был тих и размерен. Он остановился ровно на равном удалении от трона и от посла, создавая идеальный треугольник напряжения, центр которого занимал он сам. Это был просчитанный жест, постановка сцены. Он знал, что геометрия власти так же важна, как и слова. — Ваша речь была образцом ясности. Я восхищен вашим уме-

нием излагать мысли столь... непосредственно. Просто я, будучи скромным служителем буквы закона, заметил в ваших аргументах одну... кхм... юридическую деликатность.

Король на троне встрепнулся, ухватившись за эту соломинку, словно утопающий. В его глазах затеплилась надежда, смешанная с мольбой, обращенной к Алларду. «Сделай что-нибудь», — беззвучно молил он, и в этом безмолвном крике о помощи было столько отчаяния, что Аллард на мгновение ощутил укол совести. Он не был циником, хотя многие считали его таковым. Ему было жаль старика на троне. Но жалость — плохой советчик в политике. Он здесь не для того, чтобы спасти короля. Он здесь, чтобы спасти королевство.

Торвальд скрестил руки на груди, демонстративно поигрывая бицепсами. Мышцы бугрились под тканью мундира, словно пушечные ядра, обтянутые сукном. Это был жест сильного человека, уверенного в своей физической мощи, жест, рассчитанный на запугивание.

— И какая же деликатность, позвольте спросить? Вы, законники, вечно пытаетесь выиграть на словах то, что проиграли на поле боя. Это жалко, чародей. Жалко и недостойно.

— Вот именно, — мягко улыбнулся Аллард, и от этой

улыбки, от этого движения губ, не затронувшего глаз, несколько придворных дам поежились. Они знали, они видели такое раньше. Когда Чародей Аллард улыбается вот так, уголками губ, холодно и почти ласково, в воздухе начинает пахнуть паленым. — На поле боя. Вы часто апеллируете к реалиям войны, к силе, к вашему недавнему успеху у Багряного Брода, где, насколько мне известно, ваши войска, мягко говоря, не проявили милосердия к пленным. Но дипломатия, господин посол, это не продолжение войны иными средствами. Это — искусство. Искусство, зиждущееся на фундаменте права. А право, — он слегка постучал тростью по полу, как профессор указкой по кафедре, — опирается на точность формулировок. На букву. На то, что написано, а не на то, что подразумевается.

Он повернулся к королю и поклонился — с безупречной формальностью, с той глубиной и выверенностью поклона, которую предписывал протокол и на которую посол не сподобился. Его спина согнулась ровно настолько, насколько требовал этикет, а трость осталась в идеально вертикальном положении.

— Ваше Величество, с вашего позволения, я хотел бы представить доказательство того, что уважаемый посол не имеет права голоса в этом зале. Не имеет права даже находиться здесь в качестве дипломатического представителя.

Его присутствие — это нарушение закона, действующего на протяжении семи десятилетий.

В зале поднялся шум, подобный порыву ветра, ворвавшегося в открытое окно. Лорд-канцлер, дряхлый старик в парике, который съехал набок от волнения, выронил свиток, и тот покатился по полу, разматываясь длинной лентой. Королева-мать, сидевшая на скамье чуть поодаль, подалась вперед, сжав веер так, что побелели костяшки пальцев, унизированных траурными кольцами. Камергер судорожно зашептал что-то своему помощнику. Гвардейцы переглянулись. Никто не понимал, что происходит, но все чувствовали — что-то меняется. Что-то сдвинулось в самом фундаменте этого спектакля.

Торвальд же расхохотался. Это был грубый, лающий смех человека, уверенного в своей полной безнаказанности, смех, эхом отразившийся от сводов и вернувшийся обратно. Он смеялся долго, запрокинув голову, и его кадык дергался под слоем жира.

— Не имеет права голоса? — выдавил он сквозь смех. — Я — полномочный посол Суверенной Марки, уполномоченный эрцгерцогом Бранном говорить от его имени и принимать решения, имеющие силу государственных! Мои верительные грамоты подписаны кровью самого эрцгерцога, и эта

подпись не может быть оспорена никем, даже вашим хваленным Континентальным арбитражем. Это нонсенс! — Его смех резко оборвался, словно отрезанный ножом. Лицо его в одно мгновение стало жестким и злым. — Если вы сейчас же не приведете свои слова к смыслу, чародей, я сочту это личным оскорблением. А вы знаете, чем отвечают на оскорбления в нашей стране.

Он сжал кулак, и на его пальцах заискрились рубины боевых перстней, каждый из которых был настроен на определенный тип атакующего заклинания. Угроза была недвусмысленной, прямой, как удар кинжала. Дуэль с таким противником для «бумажного» мага означала бы верную и мучительную смерть — разрыв аорты, остановку сердца, воспламенение крови в жилах. Боевые маги не знали пощады.

Но Аллард остался невозмутим. Он стоял, чуть перенеся вес на здоровую ногу, и его поза выражала абсолютное, безмятежное спокойствие. Только пальцы, державшие трость, чуть сжались — единственный знак того, что он не каменное изваяние, а живой человек. Он неторопливо извлек из внутреннего кармана своего камзола тонкую папку из тисненой кожи, перевязанную алой лентой с сургучной печатью. Папка была старая, потертая на углах, с выцветшим золотым тиснением — не та вещь, которую носят для красоты, а та, которую хранят десятилетиями, передавая из рук в руки.

— О, ваши верительные грамоты абсолютно подлинны, — согласился он, и его пальцы ловко развязали ленту, не повредив печати. — Как и полномочия, данные вам эрцгерцогом Бранном. Никто не ставит их под сомнение. Вопрос в другом, господин посол. Вопрос в том, имели ли право те, кто наделял вас голосом, сами его иметь. Иными словами, был ли легитимен сам эрцгерцог на момент подписания этих грамот. Может ли человек, не имеющий права назначать послов, назначить посла? Это все равно что пытаться налить воду из пустого кувшина.

Торвальд нахмурился. Его брови, густые и кустистые, сошлись на переносице, образовав глубокую складку. Это был уже не смешной бумагомаратель, пытающийся съязвить или потянуть время. Это было что-то другое, что-то, что начало смутно тревожить посла, словно далекий звон колокола, предвещающий бурю.

— Это уже не оскорбление, чародей. Это пахнет государственной изменой. Вы подвергаете сомнению власть моего господина, эрцгерцога Бранна, законного правителя Суверенной Марки? Да я раздавлю вас, как давят мокрицу, заползшую на чистый пергамент! Вас и ваши бумажки!

— Тише, тише, господин посол. — Аллард поднял рас-

крытую ладонь, и в этом жесте было столько властного спокойствия, столько абсолютной уверенности в своем праве говорить, что Торвальд, к собственному удивлению и ярости, замолчал. Это был не магический приказ, не подчинение воли. Это было нечто иное — та харизма, которая дается либо от рождения, либо от долгих лет упражнений во власти. — Я всего лишь скромный слуга закона. Я подвергаю сомнению не власть, а лишь юридические процедуры, эту власть оформляющие. А процедуры — моя страсть. Моя единственная и всепоглощающая страсть, перед которой меркнут все прочие соблазны этого мира.

Он раскрыл папку. Внутри лежал единственный лист пергамента, желтоватый, с неровными, чуть обтрепанными краями, явно старый, хранившийся десятилетиями в королевском архиве. Но не возраст документа привлек внимание Торвальда. Его взгляд, опытный взгляд боевого мага, привыкшего оценивать опасность за доли секунды, прикипел к тексту, написанному на этом пергаменте. Текст был рунный. Ровные, геометрически выверенные цепочки символов, выписанные ферро-галловыми чернилами, отливающими в свете витражей слабым багрянцем, словно запекшаяся кровь. Рунный контракт. Магия, подчиняющаяся букве, древнее искусство, зародившееся еще во времена Первой Империи, когда слова имели силу, а клятва, скрепленная руной, была нерушима. Нарушить такой контракт означало не

просто преступить закон — это означало бросить вызов самой ткани мироздания, и последствия были непредсказуемы и, как правило, фатальны.

— Что это? — прохрипел Торвальд, и его голос впервые дрогнул, потеряв свою уверенную, лающую хрипоту.

— Это, — Аллард бережно, словно величайшую драгоценность, извлек лист из папки, — оригинал Аддерского мирного договора, подписанного семьдесят два года назад между нашим государством и Суверенной Маркой. Договор, положивший конец Войне Пяти Клинков и установивший границы, которые вы так рьяно пытаетесь перекроить своей войной. Вы, вероятно, думали, что это просто клочок бумаги, музейный экспонат, пылящийся в архиве и ни на что не влияющий. Вы ошибались.

Он поднял документ так, чтобы его было видно королю и собравшимся. Свет витражей упал на пергамент, и руны на мгновение полыхнули алым, словно пробудившись от долгой спячки.

— Этот договор — не просто исторический курьез и не просто бумага, которую можно порвать, когда она становится неудобной. Это действующий рунный контракт, скрепленный кровью и магией монархов — вашего эрцгерцога Рейна-

ра Второго и нашего короля Эдрика Седьмого, да покоятся они оба в мире. И он является частью фундаментального закона обоих государств. Он встроен в само основание нашей правовой системы. В нем, среди прочих, есть одна прелюбопытнейшая статья, которую, видимо, ваши юристы пропустили. Или надеялись, что пропустили мы.

Аллард сделал паузу, наслаждаясь моментом. Он знал цену тишины, цену правильно выдержанной паузы, когда ожидание аудитории достигает своего крещендо. Тишина в зале стояла такая, что было слышно, как где-то наверху, под куполом, воркуют голуби, и этот мирный звук казался сейчас почти сюрреалистичным.

— Статья двадцать девятая, параграф четвертый, — продолжил он тоном лектора, читающего курс молодым студентам-правоведам, — гласит дословно: «...и дабы не допустить повторения кровопролития, каждая из Высоких Договаривающихся Сторон сим обязуется не назначать на пост главы дипломатического представительства лицо, состоящее в кровном родстве до четвертого колена с монархом либо регентом направляющей стороны. Сие сделано во избежание того, дабы личные властные амбиции членов правящей фамилии не были истолкованы как воля суверенного государства, а также во избежание ситуации, при которой дипломат мог бы претендовать на престолонаследие страны пребыва-

ния». Мудрая статья, не правда ли? Написанная людьми, которые понимали, что жажда власти — это болезнь, передающаяся по наследству.

Он опустил бумагу и посмотрел прямо в лицо Торвальду. Лицо посла медленно меняло цвет, проходя путь от здорового румянца к мертвенной бледности, а затем к багровому, почти фиолетовому оттенку подавляемой, kloкочущей внутри ярости и — Аллард это ясно видел — осознания. Осознания того, что он попался. Что его обвели вокруг пальца, как мальчишку.

— Это чушь! — взревел он, и его рев был подобен реву раненого зверя, загнанного в угол. — Моя родословная безупречна и чиста! Я — барон из древнего рода, но к семье эрцгерцога я не имею никакого отношения! Мы ведем свой род от вольных баронов-завоевателей, а не от этих... потомков конюших!

Он вовремя прикусил язык, поняв, что едва не оскорбил своего же сюзерена.

— О, неужели? — Аллард склонил голову набок, словно ученый-орнитолог, обнаруживший редкий вид птицы. В его глазах мелькнуло почти сочувственное выражение, которое могло бы показаться искренним, если бы не холодный расчет

в глубине зрачков. — Ваша бабушка по материнской линии, леди Эльсбет из Торнвуда, особа весьма достойная, надо сказать, вышла вторым браком за лорда Эдгара Корвена. Брак был тихий, скромный, почти тайный — что неудивительно, учитывая... кхм... специфические обстоятельства рождения лорда Эдгара. Дело в том, что лорд Эдгар Корвен, в свою очередь, был внебрачным, но официально признанным сыном эрцгерцога Рейнара Второго. Того самого Рейнара, что подписал этот договор. Родного деда ныне правящего эрцгерцога Бранна. Таким образом, уважаемый посол, через свою бабушку и ее второго мужа вы приходитесь эрцгерцогу Бранну... — Аллард на секунду закатил глаза к потолку, делая вид, что подсчитывает в уме степени родства, хотя, разумеется, он знал их наизусть, — троюродным кузенком. Родство в четвертом колене. Четвертое колено — это и есть та самая запретная черта, проведенная договором. Что подтверждается записями в генеалогических книгах Торнвудского аббатства, а также метриками из архива вашей собственной столицы, заверенные копии которых, — он похлопал по папке, — приобщены к данному делу.

Зал взорвался криками. Это был уже не шорох и не ропот — это была буря. Лорды повскакивали с мест, не в силах усидеть, дамы прижимали платки ко ртам, кто-то истерически смеялся. Канцлер, только что пришедший в себя, снова упал в обморок, и на сей раз его не успели подхватить.

— он с грохотом рухнул на мрамор, закатив глаза. Король вцепился в подлокотники своего трона так, словно он несся на нем в бурном море, и на его лице, поверх усталости и отчаяния, проступило выражение недоверчивой, робкой надежды. И только Аллард оставался островком спокойствия в этом хаосе, неподвижный, как скала, о которую разбиваются волны.

— Вы лжете! — Торвальд брызгал слюной, его лицо побавровело до угрожающего оттенка. — Это подлог! Это фальшивка! Вы подделали документы! Вы не могли найти эти записи, они должны были быть уничтожены! Вы пытаетесь обойти меня на бумаге, потому что в честном бою вы — ничто, пыль, пустое место!

— Я — ничто, — легко согласился Аллард с убийственной кротостью. — Я всего лишь слуга закона, скромный интерпретатор текстов, написанных задолго до моего рождения. Но истинность этого документа подтвердить очень легко. Прямо сейчас, здесь, при свидетелях. Вам не нужно верить мне на слово. Вам нужно лишь увидеть.

Он положил папку на пол, на ковер, и выпрямился, держа перед собой Договор обеими руками, словно священную реликвию. Его тонкие пальцы, длинные и чуткие, пальцы музыканта или хирурга, заскользили по рядам рун, касаясь

каждой из них с ювелирной точностью. Он не читал их, он их пробуждал, посылая в каждую руну тонкий, как волосок, импульс магической энергии. Руны отзывались на его прикосновение, загораясь одна за другой холодным, внутренним огнем.

— Это рунный контракт, господин посол. Вы, как человек сведущий в магии, как боевой маг с двадцатилетним стажем, должны знать, что любой рунный контракт имеет встроенный механизм принуждения к исполнению. И механизм верификации подписей. Подписи двух монархов вплетены в саму ткань заклинания. Это не просто чернила. Это сгустки их воли, их магии, их самой жизненной силы. И их магия не поддается подделке.

Руны на пергаменте засветились ярче, наливаясь холодным, потусторонним огнем, тем самым светом, что не отбрасывает теней, а словно выедает их из реальности. В зале запахло озоном и чем-то древним, как земля после грозы, как вскрытая гробница. Нити силы отделились от бумаги и поползли в воздухе, медленно, неумолимо, словно щупальца неведомого существа, ищущие свою жертву.

— Что вы делаете? — в голосе Торвальда впервые послышался настоящий, неприкрытый страх. Он узнал эту магию. Он понял, что это не блеф.

— Привожу в исполнение один из пунктов о нарушении. Санкции за несоблюдение этого конкретного договора весьма... своеобразны. Видите ли, наши предки были людьми суровыми и не особо церемонились с теми, кто нарушал их клятвы.

Сияющие нити дернулись и мгновенно, быстрее, чем глаз мог уловить, опутали посла. Он взревел, пытаясь разорвать их, его боевые перстни вспыхнули защитными заклинаниями, но нити прошли сквозь магические щиты, как раскаленный нож сквозь масло. Они не были физическими. Они были концептуальными, сплетенными из самой идеи договора, из самой сути закона. Они проникали, пронизывали его ауру, его магию, его саму личность, распутывая и аннулируя все полномочия, которыми он был наделен.

— Ваше назначение незаконно. Следовательно, незаконны все ваши действия как посла. Все договоренности, скрепленные вашей подписью, недействительны априори. Ваши верительные грамоты — не более чем клочок бумаги. И, согласно параграфу семьдесят восьмому того же договора, лицо, незаконно представляющее сторону договора, лицо, чье присутствие нарушает фундаментальный закон, подлежит немедленной депортации.

— Депортации? — выдохнул Торвальд с неожиданной надеждой. Он ожидал смерти, немедленного уничтожения. Депортация звучала как помилование.

— Да, — кивнул Аллард, и его улыбка стала шире, достигнув наконец глаз, которые на мгновение вспыхнули тем же холодным рунным огнем. — Но не в вашу страну. А туда, куда вас отправит магия договора. А она, как вы помните, была направлена на предотвращение войны. На сохранение мира. И она сама выберет место, где вы больше не сможете никому угрожать.

Нити магии вспыхнули ослепительным, режущим глаза светом, и Торвальд закричал. Это был не крик ярости, не крик боли. Это был крик абсолютного, всепоглощающего ужаса. Его фигура начала расплываться, терять очертания, как мираж над раскаленным песком, как акварельный рисунок, на который плеснули водой. Крик его становился все тоньше, все дальше, пока не истаял вместе с его телом, словно его и не было. И когда свет погас, когда руны на пергаменте вернулись в свое спящее состояние, на ковре, где только что стоял грозный посол, не осталось ничего. Только горстка серой пыли, похожей на пепел от сожженных бумаг, которую тотчас подхватило легким сквозняком и развеяло по залу, словно прах самого понятия его власти.

В наступившей после этого тишине, оглушительной, звонкой тишине, звук захлопнувшейся папки в руках Алларда прозвучал как удар гонга, как точка в конце приговора. Чародей поправил манжеты, одернул камзол и склонился в глубоком, уважительном поклоне перед троном.

— Ваше Величество, угроза дипломатического давления временно устранена. Посольство следует опечатать, а персонал выслать до полного расследования. Осмелюсь также заметить, что для прямой аннексии Восточных Пределов у Суверенной Марки теперь нет никаких юридических оснований, и любой их военный акт, направленный на это, будет считаться необъявленной агрессией против государства, находящегося под защитой Кодекса Равновесия. Континентальный арбитраж, уверяю вас, будет на нашей стороне. Мы только что превратили их войну из «восстановления исторической справедливости» в неприкрытый разбой.

Король Эдрик медленно поднялся на ноги. Движение далось ему с трудом, словно он нес на плечах невидимую тяжесть, которая только что стала чуть легче, но все еще давила. Он смотрел на то место, где только что исчез его враг, потом на Алларда. В его глазах стояли слезы. Не слезы радости, не слезы облегчения. Это были слезы человека, который уже видел свою гибель, который уже смирился с ней, который уже мысленно прощался с дочерью и королевством, и

вдруг получил отсрочку. Незаслуженную, неожиданную, почти чудесную.

— Аллард, — прошептал он, и голос его сорвался, предательски сорвался, как у мальчишки. — Ты... ты чудотворец. Ты спас нас. Не мечом, так словом. Если бы каждый мой подданный служил королевству так, как ты...

— Слово — самый острый меч, Ваше Величество, — ответил Аллард, выпрямляясь. — Нужно только уметь его правильно заточить и знать, в какое место нанести удар.

Он покинул тронный зал через боковую дверь, ту, что вела в служебные коридоры, оставив за спиной гул голосов, взорвавшийся с новой, удесятеренной силой. Его шаги были тихи и размеренны, трость отбивала ритм по каменным плитам. Он не чувствовал триумфа. Не чувствовал гордости или злорадства. Только усталость — глубокую, въевшуюся в кости, — и легкий привкус сожаления на языке. Торвальд был хамом, вымогателем и, вероятно, военным преступником. Но он не заслужил такой судьбы — быть расщепленным на атомы и развеянным где-то в ледяной пустоте между мирами. Никто не заслуживает такой судьбы. Но война — грязное дело, даже если ты ведешь ее бумагами и словами. А он вел войну. Другую войну, невидимую для тех, кто привык судить о битвах по количеству жертв и отвоеванных миль.

Войну, где оружием служат запятые, а полем боя — библиотеки.

Остаток дня прошел в рутинных, но чрезвычайно важных хлопотах. Аллард лично проследил за опечатыванием посольства — мрачного здания из серого камня в трех кварталах от дворца. Он проинструктировал гвардейцев, как вести себя с дипломатическим персоналом, не давая им ни малейшего повода для обвинений в жестокости или нарушении экстерриториальности. Он продиктовал три черновика ноты для Континентального арбитража, каждый из которых был чуть более агрессивным, чем предыдущий, и велел писцам выбрать тот, что будет сочтен наиболее уместным, исходя из реакции Марки на утренние события. Он работал до самого вечера, пока тени не стали длинными, а за окнами его кабинета не сгустились осенние сумерки, серые и промозглые.

Кабинет Чародея-Законника располагался в Старой Башне Грамот — приземистом, но массивном здании, примыкавшем к дворцу. Это была его крепость, его убежище, обставленное с аскетичной функциональностью. Книжные шкафы от пола до потолка, набитые фолиантами в кожаных переплетах и свитками в тубусах. Массивный дубовый стол, заваленный бумагами, с несколькими масляными лампами, дающими ровный желтоватый свет. Несколько простых стульев для посетителей. Карта королевства на стене, испещренная

пометками. И все. Никаких портретов, никаких гобеленов, никаких признаков роскоши. Аллард не любил отвлекаться.

Он как раз закончил диктовать писцу, юному и старательному, но медлительному, окончательный проект юридического обоснования для Континентального арбитража, когда в дверь тихо, как-то неуверенно постучали. Стук был робкий, почти застенчивый — совсем не тот звук, который издают костяшки гвардейца или лорда. Аллард не ждал посетителей в такой час. Он вообще никого не ждал.

— Войдите, — произнес он, не оборачиваясь и просматривая последний абзац.

Дверь отворилась со сдержанным скрипом хорошо смазанных петель, и вошел мальчишка-посыльный, один из тех безымянных и вездесущих мальчишек, что вечно снуют по коридорам дворца, разнося записки и устные поручения. На вид ему было не больше двенадцати — возраст, когда лицо еще сохраняет детскую припухлость щек, но глаза уже смотрят с недетской серьезностью. Он протянул Алларду небольшой конверт из плотной серой бумаги, без герба, без надписей, без каких-либо опознавательных знаков, и, не сказав ни слова, даже не дождавшись чаевых, исчез за дверью. Аллард хотел окликнуть его, спросить, кто отправитель и откуда письмо, но мальчишки уже и след простыл — только

быстрые шаги прошелестели по коридору и стихли.

Чародей повертел конверт в руках, поднеся его поближе к лампе. Бумага была простая, грубая, почти оберточная, купленная в первой попавшейся лавке. Клей, желтоватый и слегка пахнувший рыбой, было совсем свежим, еще чуть влажным на ощупь. Никакой магии от конверта не исходило — он проверил это несколькими быстрыми диагностическими плетениями, прежде чем прикоснуться к нему голыми руками. Это не была ловушка, не было никакого скрытого проклятия или активирующего заклинания. Обычное письмо. Но при этом — тайное, иначе было бы отправлено через официальную канцелярию с гербовой печатью и подписью отправителя.

Он аккуратно сломал печать, стараясь не повредить бумагу, и извлек один-единственный листок, сложенный вдвое. Развернул. Почерк был незнакомым: ровные, четкие строки, написанные явно гусиным пером хорошего качества, но буквы слегка плясали, нарушая идеальную геометрию строк, словно писавший был либо очень стар, либо очень взволнован. И еще что-то было в этих буквах, в начертании некоторых знаков, в манере выписывать заглавные «А» и «К». Какая-то угловатость, старая школа каллиграфии, о которую цеплялась память, как одежда цепляется за сучок.

Он поднес листок ближе к лампе, поймал лучший угол света и прочитал. Первые же строки заставили его сердце пропустить удар, а затем пуститься в галоп, как испуганная лошадь.

«Приветствую тебя, Аллард, Чародей-Законник, мастер слова и гроза нерадивых дипломатов. Слава о твоём сегодняшнем подвиге уже гремит по всему городу, и я искренне восхищен. Но позволь задать тебе один вопрос: правильное ли имя ты носишь? Или мне следует обратиться к тебе иначе? Может быть, как к Аллару из Лирвейской гавани, сыну портовой шлюхи и безвестного пьяницы? Или все же — как к Крысе-Королю, хозяину дюжины детских жизней, проданных тобою за первое место в ученичестве у мастера Фейна?»

Рука Алларда, державшая письмо, даже не дрогнула. Годы самоконтроля, годы тренировок, годы жизни за маской безупречного спокойствия сделали свое дело. Но внутри у него все оборвалось и рухнуло в ледяную, темную бездну, откуда тянуло таким холодом, какого он не ощущал даже в самые страшные моменты своей жизни. Воздух в кабинете вдруг стал спертым и невыносимо холодным, словно сама атмосфера сгустилась вокруг него. Двадцать лет. Двадцать долгих, тщательно выстроенных лет. Он жил все это время, похоронив свой секрет так глубоко, что временами сам почти забывал о нем, убеждая себя, что тот мальчишка из до-

ков, тот озлобленный, голодный, отчаявшийся подросток по имени Аллар, продавший своих друзей, своих товарищей по уличной банде, за шанс вырваться из грязи и стать учеником великого мага-правоведа Фейна, — это не он. Это был другой человек, умерший в тот момент, когда Фейн нарек его новым именем Аллард. Это был призрак, с которым он распрощался навсегда. Но нет. Тайна, погребенная на дне души, вдруг всплыла со дна, как труп утопленника, всплывает на поверхность через много лет после смерти, раздутый, неузнаваемый, но все еще хранящий черты убитого. И она смотрела на него мертвыми глазами из этих ровных, безжалостных строк.

Он заставил себя дочитать до конца, хотя каждая строка давалась ему тяжелее, чем подъем на гору. Буквы расплывались перед глазами, но он читал, впитывая каждое слово.

«Твоя сегодняшняя работа была великолепна. Истинный мастер слова, виртуоз параграфа, дирижер законов. Я наблюдал за тобой издалека, и, поверь, я восхищен. И именно поэтому, зная, сколь многим ты дорожишь, я знаю, что ты захочешь сохранить свою репутацию незапятнанной. Репутацию, которую ты строил два десятилетия, камень за камнем, параграф за параграфом. Ты ведь не хочешь, чтобы завтрашние утренние листки новостей вышли с заголовком «Правая рука короля — убийца детей»? Не хочешь, чтобы твои вра-

ги, а их у тебя немало, получили в руки оружие, от которого нет защиты? Я так и думал.

Завтра в полдень ты придешь в таверну «Пляшущая се-
ледка» на Нижнем рынке. Место грязное, шумное, совсем
не подходящее для человека твоего положения. Спросишь
комнату номер четыре. Не пытайся меня искать, не пытайся
меня выследить. Я знаю все твои трюки, Аллард. Или, вер-
нее, Аллар. Я расскажу тебе, что мне нужно. И поверь, это
не просьба. Это — начало нового контракта. Только на сей
раз условия диктую не ты».

Подписи не было. Лишь маленький, тщательно прорисо-
ванный рисунок внизу страницы, от которого кровь засты-
ла в жилах. Дюжина крысиных силуэтов, сбившихся в кучу,
грызущихся друг с другом, но при этом образующих один
большой, уродливый, искаженный человеческий профиль —
профиль подростка. Символ Крысы-Короля. Символ, кото-
рым они, дети Лирвейских доков, метили свою территорию
двадцать лет назад. Символ, который не видел никто с тех
самых пор, как банда была разогнана городской стражей, а
ее члены — те, кто выжил, — рассеялись по миру.

Аллард смотрел на письмо невидящим взором. Пламя
масляной лампы колебалось от его дыхания, и тени плясали
на стенах его уютного, безопасного кабинета, его убежища.

Теперь это место казалось не убежищем, а ловушкой. Мышеловкой, в которую он сам загнал себя, строя свою жизнь так высоко и так заметно. Кто-то знал. Кто-то из прошлого, кто-то, кого он считал мертвым, забытым, исчезнувшим на дне жизни, воскрес и протянул к нему свои когтистые лапы. И он не знал, кто это. Не знал, чего этот некто хочет. Не знал, как далеко он готов зайти. Полная, абсолютная неизвестность — худшее, что может случиться с человеком, привыкшим контролировать все.

Сегодня он разрушил одним словом могущественного врага. А теперь одно слово способно разрушить его самого. И он понял, с холодной, обжигающей ясностью, какая приходит только в минуты настоящей опасности, что та легкая, блестящая победа в тронном зале была лишь прологом. Цветочками, как любил говорить его покойный учитель Фейн. Настоящая война только начиналась. И на этот раз он будет не генералом, дирижирующим параграфами с безопасного расстояния. На этот раз он будет солдатом на передовой. И ставкой будет его собственная жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.